

Даже в трущобах Мехико до сих пор находят останки
павшей Ацтекской империи.

Крэйг Чайлдс. Finders Keepers

Пролог

Лопата черного археолога вгрызалась в почву с настойчивостью пылкого любовника. Законченный метамфетаминщик, он копал, постоянно дергаясь, и напевал похабную песенку про женщин и героин. Его тело источало отвратительный терпкий запах. Он чувствовал это, но его не заботили ни собственная вонь, ни влажность воздуха, ни раскрошившиеся зубы, ни то, что его кожа, словно шерстью, была покрыта смешавшейся с потом пылью. Другой бы на его месте жаловался на свои колени, на измученную упорным трудом спину. Жалкие бабы. Обдолбанный, он мог работать часами, не теряя самообладания, не останавливаясь, чтобы перекусить, не пугаясь завываний призраков ацтекских богов. Все, что имело значение в жизни, было давно погребено, сокрыто, утеряно, боялось показать свое истинное лицо, и он это знал. Мало кто имел достаточно смелости и воображения, чтобы ввязываться в раскопки.

Кристофер Мэддокс находился далеко от дома. Американец в Мексике, вышвырнутый из колледжа прямо в грязь, блаженный. Религию можно найти где угодно. Два дня назад его кирка наткнулась на краешек то ли погребальной урны, то ли короны — реликвии, за которую, как он надеялся, ему удастся получить столько, сколько нужно, чтобы отправиться в Гватемалу, где наркотики стоили дешевле манго, где женщины встречали тебя тортильей¹ и сочной козлятиной. *Гва-те-ма-ла*. Четыре ласкающих слух слога, которые в итоге означали всего лишь гамак да песни. Черный археолог. Так он себя называл. Альтер эго, двойник, тень в лунном свете — герой истории, которая началась, когда неприметный паренек из торгового центра в штате Колорадо откопал мексиканское сокровище, спасшее ему жизнь.

¹ Тортилья — тонкая лепешка из кукурузной или пшеничной муки, которая является основой для многих блюд, в основном мексиканской кухни (*исп.*). (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано другое.*)

С головы соскользнул налобный фонарик. Он поправил лампочку. От холода капли пота на лбу застыли и в свете фонаря выглядели как корона из бисера. Под землей может случиться многое. *Апокалипсис. Асфиксия. Попокатепетль*¹. *Обвал в пещере*. В любую минуту могут наброситься *pinches federales*². Он поднял свою старую зубную щетку и, аккуратно счищая пыль, наблюдал, как камни обнажаются перед ним, словно стриптизерша. В мозгу пульсировали мысли о сексе. Мэддокс копал, не задумываясь о времени. Копал, не думая о смерти. Кожа нестерпимо зудела. От волнения, от насекомых, которые, казалось, ползали под кожей наркомана, от дрожи из-за кромешной темноты, от возбуждения перед встречей с находкой.

Краем глаза он заметил тень. На стене пещеры возникла фигура, видение: обветренное лицо его матери мелькнуло на испещренной трещинами породе. Ее рука, вся в пятнах, потянулась к нему, словно пытаясь выдернуть его из этой пропасти. В груди черного археолога что-то взорвалось. Схватив кирку, он стал наносить удары по почве, не заботясь о том, что может сейчас разрушить. Осколки найденного всегда можно заложить цыганам. Он просто хотел получить то, что ему полагалось. Сейчас. Сейчас. Сейчас. *Ahora*³. *Da-me-lo*⁴.

Ангел вздохнул. Дьявол прикусил губу. На поверхности лежала находка. Пятьсот лет ацтекской истории оказались в мародерских руках. Черный археолог качнулся назад, почувствовав головокружение, и затянул «*sweet baby Jesus*»⁵, ведь он больше был не один в этой пещере. На него воззрилось лицо, бирюзовая маска с единственным глазом.

Черный археолог ворвался в Мехико. Проезжая в такси мимо *Reforma*⁶, он подбрасывал маску на колених, нежно поглаживал

¹ Попокатепетль (с ацтекского *Popōca* — «дымящийся» и *tepētl* — «холм», т. е. «дымящийся холм») — действующий вулкан в Мексике, одна из ее достопримечательностей. Древние ацтеки обожествляли Попокатепетль, считая его одновременно и живым существом, и уснувшим властителем грома.

² *Pinches federales* — оскорбительное название полицейских в Мексике.

³ *Ahora* — сейчас (*исп.*).

⁴ *Da-me-lo (Dámelo)* — дай-это-мне (*исп.*).

⁵ «*Sweet baby Jesus*» (англ. «Милый младенец Иисус») — популярная рождественская песня.

⁶ *Reforma* (исп. *Paseo de la Reforma* — «Бульвар Преобразований») — главный проспект в Мехико, его самая знаменитая и красивая улица. Славится своими роскошными фонтанами, величественными монументами, архитектурными памятниками, жилыми зонами старой застройки.

это расколотое лицо, безумную плеяду голубого и зеленого. Две змеи сплетались на лбу. Рот искривился в гримасе, которая оголяла сомкнутые зубы, выполненные из белых ракушек. Одного глаза не хватало. Другой не открывался, что означало только одно: маска была посмертной.

Черному археологу хотелось взвыть. Он собирался ворваться в изысканные антикварные магазины в *Zona Rosa*¹ в ритме сальсы, подняться по мраморным ступеням музея археологии и посмотреть на потрясенные лица чиновников, когда они увидят, что грязный гринго с двадцатью баксами на счету нашел национальное достояние. Но было кое-что, в чем он нуждался больше, чем в признании, деньгах или любви. Доза.

Таксист привез его на конспиративную квартиру. Проклятый мерзкий дом. Пристанище *cholos*² и хулиганов, хранилище денег, вырученных за продажу наркотиков, кладбище для тех приговоренных, которых рубили в салат и бросали в братские могилы разлагаться на ветру. Это место называли безопасным, но вряд ли кто-то здесь мог чувствовать себя в безопасности. У ворот черный археолог сверкнул именным мобильным телефоном, своей единственной вещью, которая имела какую-то ценность. Рейес оплачивал счета. Ему нужна была связь со своими людьми двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. На пороге передней двери Фео, человек-пивная-банка, поигрывал мышцами. Альфонсо, стоя на цыпочках, обутый в кеды, выглядывал из-за его плеча. Тело парня было усеяно татуировками так густо, что он не нуждался в одежде. Выведенное над верхней губой слово издалека выглядело как кривые усы.

Черный археолог вынул свой товар.

Фео перевернул маску, осмотрел ее, презрительно усмехнулся и предложил тысячу долларов.

Археолог разочарованно покачал головой:

— Мне надо вдесятеро больше этого.

— Твое дело копать. А мы решаем, сколько это стоит.

¹ Zona Rosa (исп. *Zona Rosa* — «Розовая Зона») — район в Мехико. Своим названием обязан розовой плитке. Ранее был местом средоточия элитной жилой недвижимости, но со временем стал коммерческим сердцем Мехико и центром ночной жизни города.

² Cholos — члены уличных банд в Мексике.

Ярость закипела в крови черного археолога. Придурки, жадные *mensos*!¹ Будто его работа ничего не стоит. История не имеет ценности. А для них важна только очередная поездка к границе с целью сбыть наркотики. Да, он должен был поговорить с кем-то, обладающим IQ.

— Мне нужно поговорить с Рейесом.

Фео бросил на него быстрый взгляд:

— Никто не может поговорить с Рейесом. Никто даже *не видится* с Рейесом.

Это была правда. За три года, проведенных здесь, черному археологу ни разу не довелось встретиться с этим человеком. Наркобарон постоянно менял местоположение, каждый день появляясь в новом городе, в новом обличье. Пентхаус в Масатлане. Канализационный коллектор в Сьюдад-Хуаресе. Человек тысячи лиц: попрошайка, хипстер, генеральный прокурор. Ходили слухи, что его настоящее лицо похоже на старческую мошонку. За глаза люди называли Рейеса *El Pelotas*². У него отсутствовала половина правого уха. Рейес был воротилой, *Patrón*, который считал себя интеллигентом; он коллекционировал антиквариат тоннами, обо-жал посещать открытие новых галерей и наслаждался розовым шампанским. Он мог появиться на ранчо, купить любую маску; закрыть ювелирный магазин, бросить золотые кольца детям на игрушки. Подобно волшебнику, он мог заставить мужчин исчезнуть, а женщин разрезать пополам.

— Передайте Рейесу, что у меня для него кое-что есть. Скажите, что это стоит его времени.

Фео ухмыльнулся, предвкушая увлекательное зрелище.

— Ах, ну что же, *ладно*, проходи. — Он провел археолога по коридору к винтовой лестнице, ведущей внутрь. — Я сообщу *Patrón*'у, что его любимый пещерный человек сгорает от нетерпения встретиться с ним. Располагайся, чувствуй себя как дома. Выпей.

Археолог остался с Альфонсо ждать в полумраке. Перед самым большим в мире телевизором стояли два повидавших виды дивана, на которых они и расположились. Мэддокс сцепил ладони над

¹ *Mensos* — дегенераты, недоумки (*исп.*).

² *El Pelotas* — яйца (*исп. сленг*).

маской, которая накрывала его пах, и разглядывал пуленепробиваемые окна. В одной из панелей он заметил три отверстия от выстрелов. Пули были выпущены изнутри.

Альфонсо затянулся сигаретой и почесал подбородок.

— Ты настоящий идиот, в курсе?

— *Regalame un tabaco, comra*¹.

Альфонсо бросил ему пачку и зажигалку:

— Последняя воля умирающего.

Здесь каждый улыбался, не испытывая никаких эмоций. Звук шагов по ступеням. Два человека. Первый остановился на лестничной площадке. Левая рука расположилась на перилах, правая сжимала в кармане ствол пистолета. Рейес был невысок, приземист. Его массивная грудь медленно поднималась и опускалась, он тяжело дышал. Он был одет в тренировочные брюки и белое пончо. Соломенная шляпа с развевающимися розовыми лентами скрывала большую часть его лица. Дикое сочетание местного колорита. Черному археологу не терпелось посмотреть на ухо, но он пересилил себя и опустил голову.

— Ты хотел со мной поговорить? — Тон Рейеса был ровным, но холодным.

Археолог учтиво кивнул и достал маску. Он гордился своим испанским, знал, как правильно себя преподнести. Скромно и в то же время витиевато.

— *Patrón, con todo respeto*², сегодня я принес вам восхитительное сокровище. На то, чтобы откопать его, у меня ушло два дня.

Ответа не прозвучало. *Никто не может поговорить с Рейесом. Никто даже не видится с Рейесом.* У археолога пересохло в горле. Он понял свою ошибку.

— Этой маске пятьсот лет, — продолжил он. — Она принадлежит музею. Это обложка «Time Magazine». Эта маска была создана, чтобы превратить могущественного человека в бога.

Рейес уставился на него, словно лицо Мэддокса было охвачено пламенем.

Черный археолог сделал еще одну попытку, на этот раз более прямо.

¹ Угости сигаретой, дружище (*исп.*).

² Патрон, со всем уважением (*исп.*).

— За нее легко дадут больше двадцатки, но я возьму десять. Сегодня.

Рейес не смотрел ему в глаза. Сначала археолог подумал, что всему виной его корявый испанский, но потом осознал более унижительную правду: Рейес игнорировал его, потому что он — больной на голову наркоман, который лебезит, чтобы выцыганить денежки на очередную дозу. В груди вскипела черная злоба. В порыве гнева он мог совершить глупость. Голени под джинсами дрожали. Бешено тикали часы, или, быть может, это колотилось его сердце.

Наконец Рейес швырнул пачку песо. Сверток упал, да так и остался лежать, словно мертвый зверь, к которому никто не хотел прикасаться. Альфонсо забрал маску. Черный археолог опустился на колени перед деньгами, понимая, что пересчитывать не стоит.

— А теперь принеси мне следующую, — прорычал Рейес.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Большую часть своей жизни я носила маску. Так делает подавляющее большинство людей. В детстве я закрыла лицо руками, думая, что если не могу увидеть отца, то и сама для него невидима. Когда я поняла, что ошиблась, стала прятаться под масками на Хэллоуин: клоунов, ведьм и Рональда МакДональда. Много лет спустя, посетив Мексику, я осознала, как далеко эта маска может тебя завести. На пыльных улицах деревенские жители превращались то в ягуаров, то в гиен, то в самого черта. Годами мне казалось, что обряд надевания маски — это способ начать с чистого листа, стать кем-то новым, совершенно другим.

Теперь я знаю намного больше.

Из неоконченных мемуаров Анны Рэмси, 2012 год

1 | Анна

Она оделась в черное. Цвет монахинь и ведьм, цвет самых отдаленных уголков вселенной, где гравитация не оставляет лучу ни единого шанса вырваться из крошечной тьмы, название маленьких ящичков, установленных в самолетах, тех самых, что объясняют причины катастроф. Она выбрала зеленые сережки под цвет глаз, лифчик, который подчеркивал соблазнительное декольте. Застегнула на лодыжках ремешки сандалий, прибавивших к ее росту три дюйма — ровно столько, сколько было нужно, чтобы смотреть прямо в глаза своему жениху.

Она подъехала к музею и позволила парковщику припарковать свою машину. Было так морозно, что выдыхаемый воздух наполнил дым.

— Я ненадолго, — бросила Анна парню, протягивая ему пару баксов. — Поставь у выхода.

Вечеринка была в самом разгаре. В зале с высокими потолками непринужденно вели светские беседы и обменивались последними сплетнями модные гости. Геи в обтягивающих брюках и галстуках цвета спелого мандарина. Бледные нимфетки в мини-юбках из тафты, ковбойских шляпах с небрежно заплетенными косами или в очках Кларка Кента¹ словно пытались доказать, что могут быть красивыми, как бы уродливо ни вырядились. Важные персоны, меценаты, потомки Рокфеллеров и Гуггенхаймов, женщины с именами вроде Тутти и Фрито. Их тонкие волосы были уложены в прически, напоминающие шлем гладиатора, а покрытые пятнами запястья бессильно свисали под тяжестью браслетов.

— Я буду твоим отражением, — мурлыкала в колонках «The Velvet Underground»².

Анна взяла с подноса бокал шампанского, провела рукой по платью, разглаживая ткань. На ее пальце сверкнуло помолвочное кольцо. Мимо проплывали знакомые лица. Художники. Знаменитости. Критики. Мужчина, который принуждал ее переспать с ним. Она ответила, что больше не занимается этим. Она была вместе с Дэвидом. Моногамия, добродетель, больше похожая на болезнь. Забавный факт из мира животных: самцы богомола не способны к совокуплению, когда у них есть голова, поэтому половой акт у богомолов начинается с того, что самка откусывает голову своему любовнику. По всей видимости, нечто подобное произошло и с Дэвидом. Он потерял голову на Сентрал-Парк-Уэст, пока его тело трахалось в Виллидж³.

Шампанское ударило ей в голову. После утреннего сахарного пончика у нее во рту не было ни крошки.

¹ Кларк Кент — земное имя знаменитого супергероя комиксов «Супермен», сторонника добра и справедливости, обладающего сверхспособностями и интеллектом и умеющего летать. Образ Супермена считается иконой американской культуры. Впервые появился на страницах журнала «Action Comics» в июне 1938 года, а впоследствии был неоднократно экранизирован, использован в теле- и радиопередачах, видеоиграх и рекламе.

² «The Velvet Underground» — американская рок-группа 60-х и 70-х годов XX века, оказавшая влияние на развитие альтернативной рок-музыки.

³ Виллидж (Гринвич-Виллидж) — квартал на западе нижнего Манхэттена, Нью-Йорк, в начале XX века ставший пристанищем для богемы и опальных политиков, известный антивоенными акциями, проводившимися там, и один из центров движения за права сексуальных меньшинств.

Анна осушила бокал, взяла еще один, затем отправилась на поиски жениха. На стенах висели изображения банок супа «Кэмпбэлл'с», фото Мэрилин Монро, безвкусные черно-белые кадры из фильма «Фабрика». Все дешевое, яркое, кричащее и повторяющееся.

Она нашла его в окружении поклонников в зале Дэмьена Херста — он вел светскую беседу около акулы в формалине. Анна взглянула ему в глаза и ничего не почувствовала. Их три года, проведенные рядом, будто зайцы в шляпе фокусника. Вместо того чтобы вlepить ему пощечину или дать волю эмоциям, она ушла в себя и позволила своему лицу засиять безграничной любовью. Она раскрыла ему всю себя, пожалуй, впервые в жизни. Всего несколько часов назад она пошла бы на что угодно, лишь бы сделать его счастливым.

Дэвид отблагодарил ее игривой усмешкой. Круг поклонников разомкнулся, давая ей возможность присоединиться.

Черный, цвет скорби.

Черный, цвет, который ты никогда не сможешь вернуть обратно. — Анна, — произнес он. — Ты выглядишь...

Она скользнула к нему в объятия и припала губами к его губам. Это был не просто легкий сердечный поцелуй в честь встречи или воссоединения после долгой разлуки, но полноценное объятие всем телом. Обнаженные руки обвили голову Дэвида, пальцы нежно играли с его короткими волосами, грудь, вздымаясь, терлась о лацканы его пиджака, а низ живота дразняще прижимался к его бедрам, да, в том самом месте. Он замер, смутился, удивленный, но затем привлек ее к себе. Анна вложила в этот поцелуй всю себя, три года безумного влечения и доверия, три года планов на завтра и послезавтра, три года гребаной моногамии. Ее язык медленно проник в его рот в ту секунду, когда ее ладонь скользнула в его нагрудный карман.

Черный, цвет секса.

Черный, цвет пепла, который оставляет после себя всепожирающий огонь.

Она выпустила его из объятий. Дэвид в замешательстве нахмурил лоб. Его губы собрались в букву «о», а длинные пальцы достали изо рта чужеродный предмет, который оказался там после поцелуя. Любознательные гости подступили ближе; их блестящие лица преисполнились похотливым восторгом, когда они увидели, как невозмутимый Дэвид Флэкстон, куратор направления